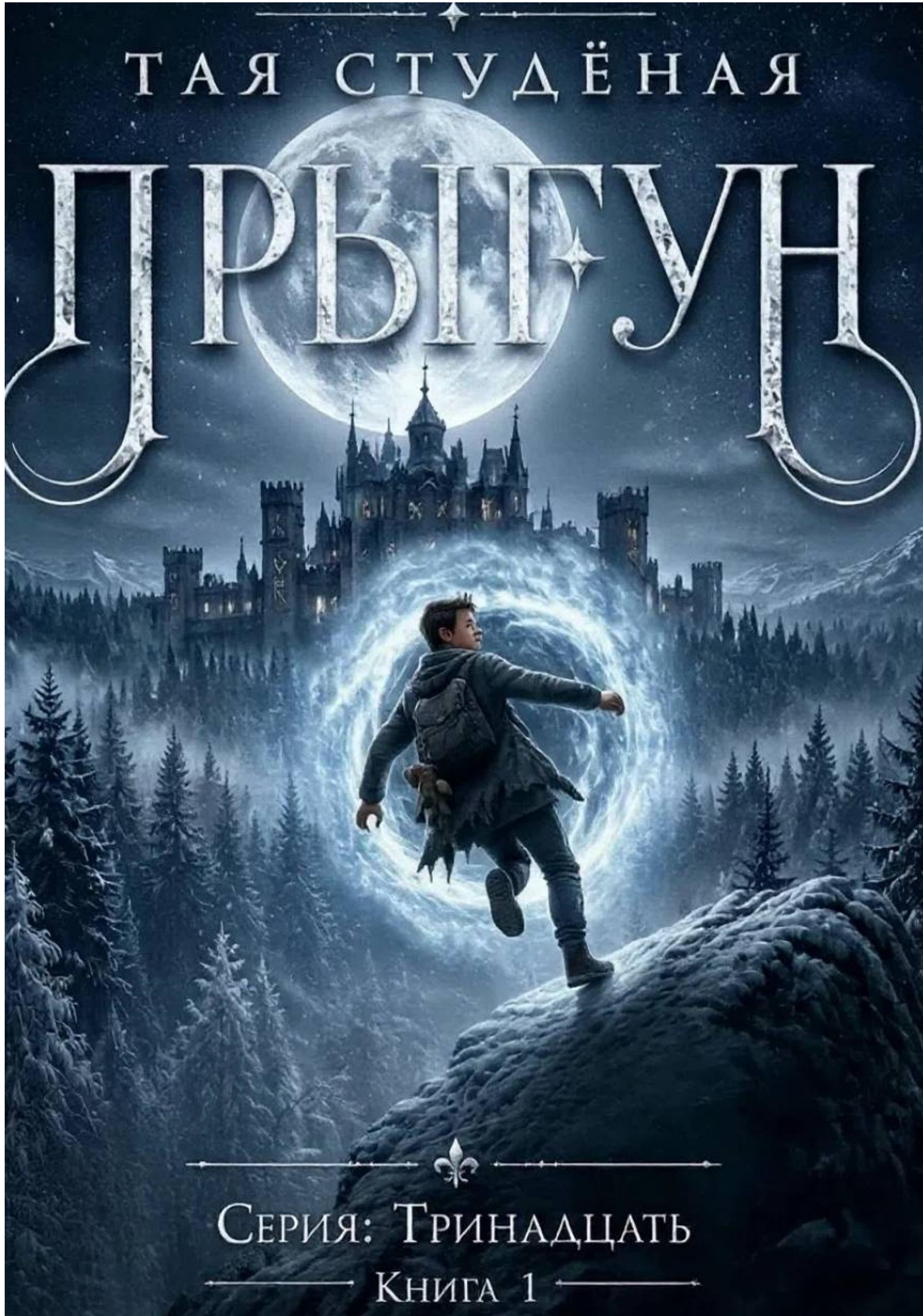

ТАЯ СТУДЁНАЯ ПРЫГУН

The poster depicts a young boy in a dark winter coat and backpack, jumping from a rocky outcrop towards a large, glowing blue and white circular portal. The portal is set in a dense, snow-covered evergreen forest. In the background, a large, dark, multi-towered castle sits atop a hill. A massive, detailed full moon hangs in the dark sky above the castle. The title 'ТАЯ СТУДЁНАЯ ПРЫГУН' is written in a large, ornate, metallic font across the top, with the moon partially visible behind the word 'ПРЫГУН'.

СЕРИЯ: ТРИНАДЦАТЬ
КНИГА 1

Тая Студёная

Тринадцать. Прыгун. Книга 1

«Автор»

2026

Студёная Т.

Тринадцать. Прыгун. Книга 1 / Т. Студёная — «Автор», 2026

Он думал, что просто сбежал из детдома. Но ошибался. Егор всегда был один. Сирота, изгой, прячущийся от мира, который не хотел его знать. Он ничего не знал о своей способности складывать пространство, как лист бумаги и шагать сквозь него. Но однажды прыгнул — неосознанно, в отчаянии. И мир перевернулся. Теперь он в старинной усадьбе, скрытой в лесах, где собирают таких, как он. Тринадцать подростков с дарами, которые древние называли проклятием. Здесь есть те, кто управляет огнём и водой, льдом и звуком... А он — тот, кто умеет "прыгать". Но за ними охотятся. Те, кто считает их угрозой. Те, кто уже убивал таких. Егору нужно научиться прыгать осознанно. И понять, почему он — тринадцатый. Лишний? Или тот, кто должен изменить всё? Первая книга серии «Тринадцать». Обложка и внутренние иллюстрации к книге созданы с помощью сервиса Алиса AL (YandexART).

© Студёная Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Тая Студёная

Тринадцать. Прыгун. Книга 1

Глава

Пролог

В туннеле было темно. Учёные продвигались медленно друг за другом. Свет фонарей подрагивал, освещая путь куда-то глубоко вниз.

— Сюда, — крикнул лысый сопровождающий, показывая вперёд.

Он шёл первым, уверенным шагом.

Женщина с тёмными длинными волосами не отрывала взгляда от стен. Провела пальцами по камню, и на них осталась тёмная пыль.

— Сколько же этому месту лет? — спросила она.

— Больше, чем мы можем себе представить, — ответил мужчина постарше. Он был в шляпе и единственный в группе, кто мог позволить себе нарушать правила техники безопасности и не носить на раскопках каску.

Они вышли в огромный древний зал. Своды уходили вверх, теряясь в темноте. В центре стоял алтарь, и на нём лежала шкатулка. Из чёрного камня, с вырезанными символами, которых не было ни в одном известном языке.

Женщина протянула руку и дотронулась до углубления на её поверхности. Оно засветилось. Чуть заметно, пульсируя голубым свечением.

— Люда! Не трогай! — Борис остановил её, схватив за руку.

— Почему?

— Потому что ты в положении, и я немного волнуюсь. Если это то, что мы искали, нужно быть осторожными... — Он игриво обнял её и чмокнул в щёку.

Но женщина заметила — муж был чем-то встревожен.

— Борис прав, — Тот, что был в шляпе, накинул ткань на шкатулку и осторожно переместил её в деревянный короб с ручками. — Сначала сделаем все необходимые анализы в лаборатории и попытаемся расшифровать манускрипты.

Когда они уходили, зал храма погрузился опять в вековую тьму.

Лысый мужчина немного задержался, провожая взглядом уходящую экспедицию. Он разглядывал символы на стенах. На мгновение фонарик в руке моргнул несколько раз и потух. Его глаза сверкнули синим огнём в темноте. Фонарик загорелся снова, и мужчина пошёл следом за остальными...

Глава 1. Девятый вал

Солнце стояло в зените, и двор детского дома заливало золотым светом. Воздух дрожал над раскалённым асфальтом, пахло пылью, пылью и далёким морем. Казалось, сегодня ничего не предвещало беды — ни облачка, ни ветерка, только стрекот кузнечиков в траве и крики детей, которые носились по площадке.

Егор был в хорошем расположении духа и наслаждался таким редким покоем. Он сидел в дальнем углу двора, под старым тополем, и наблюдал за суетой издалека.

Ему было пятнадцать. Среднего роста для своего возраста, худощавый, но не болезненно, скорее жилистый, поджарый, как бездомный кот, привыкший выживать. Плечи угловатые, руки сильные, сбитые костяшки, мелкие царапины — сразу видно, дрался и не раз. Короткие тёмно-русые волосы, немного спутанные. Кожа смуглая, загоревшая под летним южным солн-

цем. Лицо угловатое. Глаза серо-голубые. Взгляд взрослого человека, который слишком рано понял, что жизнь несправедлива.

В детдом он попал в пять — тёмной, холодной ночью, которую помнил обрывками: чьи-то руки, голоса, приторный запах духов и чужая машина. Мать и отец исчезли навсегда, но они были, и он помнил их лица размыто, как через мутное стекло. Голос мамы, напевающей колыбельную, и голос отца, рассказывающего сказку. Больше Егор ничего не мог вспомнить, как бы ни старался... С годами и эти воспоминания стали растворяться, оставляя только вопросы, на которые никто не отвечал.

Он привык быть один. Одиночество было надёжным. В нём не били, не обзывали, не тыкали пальцем. В одиночестве можно было сидеть на старом пне, смотреть на горы и думать о своём. О том, что было. О том, что никогда не вернётся.

Четырёхэтажное здание детдома высилось за его спиной — коробка из советского кирпича, когда-то выкрашенная в бледно-жёлтый цвет, а теперь облупившаяся и грязная. Широкие пластиковые окна с решётками на первом этаже, обшарпанные подоконники. Внутри — казённые коридоры, запах хлорки и каши, скрипучие половицы и вечный полумрак. Раньше здесь был детский санаторий: «сюда привозили слабых больных детей, отсюда — здоровыми не выпускали», — так шептались учителя между собой. Теперь здесь жили сироты. Ирония.

Он перевёл взгляд на горы. Они тянулись вдоль горизонта — синие, дымчатые, с белыми шапками вершин. А там, внизу, между предгорьями и небом, синело море.

Егор любил смотреть на море. За все годы в детдоме он был там всего несколько раз. Воспитатели водили их на пляж раз в месяц, но купаться разрешали только в «лягушатнике» — специально огороженном мелководье для малышей. «Нельзя, опасно, течение», — говорили взрослые, а сами плавали далеко за буйками, где поднимались белые паруса яхт и медленно ползли по горизонту огромные корабли. Егор смотрел на них и представлял, как стоит на палубе, ветер треплет волосы, а впереди — бескрайнее море и никаких заборов, решёток, учителей и подвала.

Сегодня он не мечтал. Он просто сидел и наблюдал.

Дети играли кто во что горазд. На площадке гоняли мяч, на асфальте рисовали классики, у забора два пацана запускали воздушного змея. Кто-то сидел на крыльце с книжкой, кто-то дрался из-за лопатки, кто-то плакал, потому что ушиб коленку. Обычный день. Привычный шум. Егор давно научился отключать его, как радио.

С Егором никто не общался. Его звали «странным», «тихим», иногда — «прыгучим» после того случая в столовой, когда он вдруг оказался под столом, хотя секунду назад стоял у раздачи. Или, когда ночью он на глазах других мальчиков оказался на подоконнике. Уборщица тогда закричала, думая, что он хочет прыгнуть с третьего этажа. Тогда он впервые оказался в подвале... Нет, наказывали его часто, но в подвал на всю ночь посадили впервые. А ребята дразнили его лягушкой-попрыгушкой. Сначала он терпел, но потом стал разговаривать с обидчиками на их языке — с помощью кулаков. Его перестали замечать, только шептались за спиной. Его это устраивало. Он не любил внимания. Он уставал от вопросов, поэтому держался подальше от всех, и скоро к этому привыкли. Дети его не трогали. Он их тоже. Они были ему неинтересны.

Сегодня с самого утра в детдоме царила нервозность. Директриса — полная, краснолицая женщина с вечно недовольным лицом — металась по коридорам, раздавая указания.

— Полы помыть! Окна протереть! В столовой чтобы ни пылинки!

— Повара, особое меню! Не позорьте меня!

— Двор подмести до блеска!

Её голос — высокий, с металлическими нотками — когда она орала, казалось, кто-то царапает гвоздём по стеклу.

Причина переполоха выяснилась быстро: приезжает комиссия. Важная. Из самой столицы.

— От этой проверки зависит наше будущее! — шипела директриса на утренней линейке. — Так что всем быть как шёлковым!

Егор пропустил её слова мимо ушей. Ему было всё равно на проверки.

Главные ворота закрипели около полудня.

Во двор въехал большой чёрный минивэн, такой чистый, что солнечные блики на его глянцевом покрытии слепили глаза. Из него высыпали люди в строгих костюмах, с кожаными папками.

Директриса, которую дети тайком называли Крыса Лариса, уже бежала навстречу. Её голос стал выше и слаще обычного — Егор поморщился.

— Уважаемые члены комиссии! — она приторно улыбалась. — Мы рады видеть вас в нашем уютном детском доме!

Она ловко перехватила под руку пожилого мужчину в сером костюме, очках и с кожаным портфелем.

— Игорь Владимирович! Как же я рада вас снова видеть! Идёмте, идёмте... — Она подмигнула и добавила заговорщическим шёпотом, но так громко, что Егор услышал: — Я предлагаю начать с обеда в нашей столовой. Сегодня у нас для вас отличное меню. Потом приглашаю в свой кабинет — отведаете букет нашего особого южного чая... — Она хихикнула. — И не только! Шутка! Ах-ха-ха!

Игорь Владимирович замешкался, поправил очки.

— Ну что ж, коллеги, — сказал он с лёгким смущением, — после долгой дороги не мешало бы подкрепиться... — И он тоже захихикал — в тон директрисе.

Делегация скрылась за дверями. Из столовой тянуло чем-то пряным и невероятно вкусным — такого запаха Егор не помнил.

Он почти забыл обо всём, уставившись в одну точку на горизонте, когда рядом послышался шорох мягких шагов.

Перед ним стояла Маруся.

Девочка лет десяти, на голову ниже его, худая до прозрачности. Голубые глаза, светлые волосы до плеч, завивающиеся в мелкие кудряшки. В руках она перебирала старого плюшевого мишку — потрёпанного, с шерстяным шарфиком и цепочкой, чтобы прицепить к сумочке. Она не выпускала его никогда — даже спала с ним.

Настоящее имя у неё было странное — Мара. Но поварихи и уборщицы называли её ласково Марусей.

— А, малая, ты? — буркнул Егор без злобы.

Маруся улыбнулась — робко, уголками губ.

— Егорушка, — сказала она тихо. — Можно я тут с тобой посижу? Мне скучно.

Он не любил, когда его так называли. «Егорушка» звучало слишком нежно — таких слов в детдоме не было. Но на Марусю он не злился. Тихая. Грустная даже когда улыбалась. Такая же серая мышь, как он. Своя. Почти родная.

Он чуть подвинулся на пне.

— Садись.

Маруся пристроилась рядом, прижала мишку к груди и замолчала. Им не нужно было слов.

Но тишину нарушили тяжёлые шаги.

— Ну надо же, — раздался тонкий, почти девчачий голос. — Вы посмотрите на эту парочку!

К ним подходил Толик. Толстый, большой — выше Егора на полголовы, с розовыми щеками и крошечными, заплывшими жиром глазками. За его спиной маячили двое помощников.

В детдоме Толика называли Бригадиром. Местный авторитет, хулиган и нахал. Его боялись все, кроме Егора. И это бесило Толика больше всего.

— Егорушка и блаженная Маруся! — продолжал он, растягивая слова. — Нашли друга друга...

Помощники заржали.

Егор медленно поднялся.

— Тебе чего? Иди куда шёл. И своих шестёрок прихвати.

На секунду Толик заткнулся. Помощники перестали ржать и шагнули ближе. Но Бригадир властно выставил руки в стороны — стойте. По его глазкам было видно, что в крошечном мозгу уже зреет нечто мерзкое.

— Что, смелый днём? — Толик прищурился. — А мы слышали, как ты по ночам рыдаешь. Мамочку зовёшь! Папочку!

Он противно захихикал.

— «Нет, не надо! Помогите! Папа, папочка, не отдавай меня! Я хочу к маме!» — передразнил он, подвывая. — Жалкий! Даже родителям не нужен! Сдали сюда, как ненужную вещь!

У Егора потемнело в глазах. В груди кольнуло. В ушах загудело — сначала тихо, потом громче, потом гудение перешло в набат, тревожный и давящий. Гнев захлестнул с головой, перехватило дыхание.

— Уйдите! — закричала Маруся. — Отстаньте от него!

Толик дёрнулся к ней, вырвал из тонких пальцев мишку и кинул высоко вверх, за забор. Маруся взвизгнула. Егор сорвался.

Он не помнил, как бросился, как схватил Толика за грудки, как повалил на землю. Помощники с визгом разбежались. Толик очутился на спине и запищал тоненько, по-поросячьи:

— Отпусти! Пусти! Я всё расскажу Ларисе Робертовне! Ты пожалеешь!

Маруся плакала и тянула Егора за рукав:

— Хватит, Егорушка! Остановись!

Он не слышал. Кулак занёсся для следующего удара. Но не опустил — потому что вокруг уже собралась толпа. Дети, воспитатели, дворник с метлой. А из-за угла доносились голоса — приближалась комиссия.

Директриса выскочила из-за угла первой. Увидев Егора верхом на Толике, толпу, перепуганных детей — она побелела, потом покраснела.

Но комиссия была уже рядом. Игорь Владимирович с папкой и остальные — все смотрели на сцену у тополя.

Директриса метнулась к ним, загораживая обзор.

— Дети играют! — затараторила она. — У нас, знаете, секция единоборств... Талантливые ребята! Хотят вас удивить!

Игорь Владимирович приподнял бровь.

— Пойдёмте! Пойдёмте дальше! — директриса увлакивала их прочь. — Сейчас вам спортзал покажем! А потом компьютерный класс!

Делегация медленно двинулась к зданию.

Директриса, на ходу вцепившись в зама, прошипела:

— Опять он?! Чтобы инцидент был замят! Быстро! Как начнутся занятия — чтобы тихо было! Вы понимаете, что от этой проверки зависит всё?! ВСЁ! Я с вас три шкуры спущу!

Она перевела взгляд на Егора.

— Когда всё закончится — жду его у себя в кабинете!

И она ушла.

Егор отпустил Толика. Тот вскочил и, не оглядываясь, побежал.

Маруся сидела на земле, размазывая слёзы по пыльным щекам.

Егор присел рядом.

— Не плачь, — сказал он хрипло. — Я его достану.

Маруся улыбнулась сквозь слёзы. Благодарно и виновато.

Через час все были в классе.

Учительница литературы — сухая, костлявая, с усталым скупающим лицом — показывала репродукции картин. Егор сидел на последней парте, один — соседа ему не давали уже второй год. За окном всё так же сияло солнце.

— Русский пейзаж, — бубнила она, тыкая указкой в Левитана. — Настроение. Тишина. Грусть.

Егор не слушал.

— А это, — она перевернула репродукцию. — Айвазовский. «Девятый вал». Море. Борьба человека со стихией.

Егор перевёл взгляд на картину. Волны ожили — задышали, вздымаясь и падая. Небо темнело.

В груди заныло. В ушах заложило.

Только не сейчас, — подумал он.

Поздно.

Мир дёрнулся, перевернулся, сложился гармошкой — и Егор провалился в холод.

Вода была везде — во рту, в носу, в ушах, в лёгких. Солёная, горькая, ледяная. Он открыл глаза и ослеп от синевы. Неба не было. Пола под ногами не было. Только бездна.

Море, — пронеслось в голове. — Настоящее море.

Он хватал ртом воздух, но вместо воздуха приходила вода. Лёгкие горели.

А потом появился осьминог. Огромный, красновато-коричневый, размером с хорошую собаку и щупальцами — бесконечными, извивающимися. Глаза — чёрные, бездонные.

Щупальца обхватили его за талию, за шею. Присоски прилипли к коже.

Егор захотел закричать. Не смог.

В глазах потемнело. Яркая вспышка — и он снова сидел на стуле. За партой. В классе.

Вода заливала пол, стекала со стола, с его волос, с одежды. Егор закашлялся, выплёвывая солёную воду. Он дышал — жадно, с хрипом.

Перед ним шевелился осьминог. Он перебирал щупальцами по открытому учебнику, оставляя мокрые следы.

Класс взорвался паникой. Девочки визжали, мальчики лезли на парты, на подоконники. Кто-то кричал: «Он принёс его из моря!», «Он колдун!», «Спасайтесь!»

Учительница побелела, выронила указку и попятилась к двери.

А Егор сидел и смотрел на осьминога, который медленно сползал с парты на пол.

В дверях показалась директриса. За её спиной стояли члены комиссии. Игорь Владимирович с портфелем, остальные — все смотрели на мечущихся детей, на осьминога, на мокрого Егора.

Игорь Владимирович медленно снял очки, протёр их платком, надел снова. Осьминог юркнул под парту.

Тишина накрыла комнату.

— Ну знаете... — голос Игоря Владимировича дрожал от негодования. Он повторил громче: — Я такого беспредела ещё нигде не видел!

Директриса открыла рот, но он жестом остановил её.

— Я обязан буду доложить куда следует! Вашу заявку на конкурс сегодня же снимаю!

— Игорь Владимирович, позвольте... — начала она.

— Пойдёмте, коллеги. Нам здесь нечего делать.

Комиссия развернулась и зашагала прочь. Их шаги затихали в коридоре.

Директриса осталась на пороге. Она смотрела вслед, потом перевела взгляд на Егора. Её лицо перекошилось от ярости.

— Ты! — выдохнула она. — Опять ты!

Она двинулась к нему, расталкивая детей. Каблуки цокали по мокрому полу.

Егор вжался в стул.

Только не сейчас...

— Ты наказан! — рывкнула директриса, хватая его за шиворот. — Мне надоели твои выходки! Без ужина! Неделя в подвале! ПОД ЗАМКОМ!

Егор дёрнулся назад. Стул опрокинулся. Он полетел на пол — и в тот же миг мир вывернулся наизнанку.

Он уже сидел на крыше.

Ветер ударил в лицо. Егор открыл глаза и увидел небо — голубое, чистое, бесконечное. А под собой — пустоту.

Он был на крыше. Шиферной, с ржавой трубой, за которую вцепился мёртвой хваткой.

Внизу бегали люди. Кто-то кричал, показывал пальцем вверх:

— Там! Он там!

Егор сжал трубу. Мокрая одежда липла к телу. Ему было так страшно, что время как будто замедлилось, стало тягучим. Он видел какую-то суету внизу. Все что-то кричали и махали руками. Лариса Робертовна судорожно тыкала пальцем в телефон, пытаясь куда-то звонить. Где-то завывли сирены.

Красная пожарная машина въехала во двор. Пожарные развернули лестницу.

Лестница поползла вверх, лязгая металлом, медленная, неуклюжая, похожая на железную шею доисторической ящерицы.

— Пацан! — крикнул спасатель. — Дай руку! Я тебя спущу!

Егор попятился.

— Нет. Меня накажут.

— Пацан! ДАЙ РУКУ! НЕ ДУРИ!

Он попятился ещё. Вдруг огромный ветхий кусок шифера с хрустом отломился от карниза и с глухим грохотом рухнул вниз, разлетевшись на острые осколки.

Егор вздрогнул, нога поехала — и он провалился.

Прыжок был коротким. Он ударился коленями, локтями, подбородком и замер, судорожно цепляясь за что-то мокрое и холодное. Вода стекала по лицу.

Егор открыл глаза. Он сидел верхом на чугунной статуе — пионер в кепке, с горном в руке, гордо смотрящий вдаль — посреди фонтана. Старого, заросшего ряской, с зелёной водой и скользким дном.

Перед бортиком стояла толпа. В мёртвой тишине все смотрели на клумбу, усыпанную осколками шифера.

Спасатель на крыше замер. Он смотрел вниз, ожидая увидеть расплющенное тело, но увидел мальчика на статуе.

— Как... — донеслось сверху. — Он... откуда... это невозможно...

Он вытянул руку, указывая на фонтан. Все головы повернулись. Дети, учителя, участковый, пожарные — все смотрели на Егора, дрожащего, мокрого, с разбитыми коленями.

А потом тишину разорвал крик.

— Ах ты паршивец! — взвизгнула директриса. Она вылезла из толпы, оттолкнув застывшего трудовика, и полезла в фонтан. В костюме, на каблуках, даже не сняв очки. — Я тебя сейчас ДОСТАНУ!

Она схватила его за ногу. Он дёрнулся. Директриса поскользнулась, ухватила его за воротник, за волосы.

— Пусти! — заорал Егор.

— Иди сюда!

Она дёрнула. Егор полетел в воду прямо на неё. Они рухнули вместе. Директриса плюхнулась на спину, очки слетели, причёска развалилась.

Из толпы кто-то всхлипнул. Потом захихикал. Потом захохотал — громко, взалёб. Следом расхохотались остальные дети.

Егор выбрался из воды, отплёвываясь. Посмотрел на директрису — на её вытаращенные глаза, на чёрную тушь, текущую по щекам.

— Мать вашу... — выругался учитель труда, но осёкся.

А дети визжали и хлопали в ладоши:

— Прыгун! Прыгун! Прыгун!

Егор стоял по колено в грязной воде, окружённый толпой, и чувствовал, как в груди медленно отпускает страх.

Лариса Робертовна поднялась. Негодование и обида были видны по её глазам вместе с готовностью разрыдаться в голос от унижения. Вода стекала с её лица, смешиваясь с тушью и слезами. Нижняя губа дрожала. Она смотрела на него с ненавистью и злостью. И вдруг, на одно короткое мгновение, Егору показалось, что он видит что-то другое. Не злую директрису. Не Крысу Ларису. А маленькую девочку, которую никто не хотел удочерить. Девочку, которая выросла здесь, в этих же стенах, и так и не смогла отсюда уйти. На секунду — лишь на секунду — Егору стало её жаль.

Но директриса быстро смахнула с лица всё, что могло выдать эту девочку, и прошипела:

— Ты у меня запрыгаешь по-другому. Я заставлю тебя бояться собственных ног.

Егор ничего не ответил.

Он смотрел на горы. На море. И думал, что самое страшное ещё впереди...

Глава 2. Пирог на двоих

Подвал пах сыростью. Не той сыростью, что бывает в подъездах после дождя, а тяжёлой, давней, вьёвшейся в камни за много лет. Пахло мокрым бетоном, ржавчиной и чем-то сладковато-тошнотворным — будто здесь что-то гнило, а запах стал частью стен.

Егор сидел на раскладушке в углу, обхватив колени. Лампочка под потолком мигала — каждые несколько секунд свет моргал, и тогда тени начинали двигаться. Каменные стены покрывал зелёный налёт, с которого медленно стекала вода. Пол был земляным, холодным и твёрдым. В углу капала труба. Кап. Кап. Кап. Живот сводило от голода. Губы потрескались, язык прилипал к нёбу. Пальцы онемели от холода и не слушались. Он считал удары капель, но сбился после сотого. Потом перестал считать.

Ночь была длинной. Луна поднималась над окном, затянутым решёткой, и Егор смотрел на её свет, который падал на пол полосами, и не мог согреться. Он почти задремал, когда услышал шаги. Лёгкие, осторожные, крадущиеся. Кто-то шёл по двору, пригибаясь, прячась в тени акаций. Шаги остановились у окна, послышалось тяжёлое дыхание, шорох — и в проёме показалось знакомое лицо.

— Егорушка, — прошептала Маруся. — Ты тут?

Он вскочил, подбежал к стене, встал на цыпочки. За решёткой маячила хрупкая фигурка, взъерошенная, с большими глазами, которые в темноте казались чёрными.

— Маруся? Что ты тут делаешь?

— Я пришла навестить тебя. Мне жаль, что так получилось. — Она оглянулась. — Держи.

Маленькая рука просунулась сквозь решётку. На ладони лежал пирог — большой кусок, с яблоками и корицей, ещё тёплый, рассыпчатый. Запах ударил в нос, и у Егора заурчало в животе так громко, что стало стыдно.

— Откуда? — спросил он, принимая угощение.

— Стащила. В столовой. Сегодня пекли для комиссии, осталось немного. Я подождала, пока повара уйдут, и взяла.

— А ты? — спросил он. Пирог был тёплым, пальцы начинали оттаивать. — Ты ела?

Маруся помотала головой.

— Нет. Меня наказали. Не пустили за стол.

— А почему себе не взяла?

— Я не могу. Я и так нарушила правила... Я могу взять, только когда мне предлагают...

Она смотрела на него серьёзно, без улыбки. Егор почувствовал, как к горлу подступает комок.

Маруся села снаружи, прислонившись спиной к холодному камню. Толстая стена разделяла их, но через решётку они видели друг друга — кусочек лица, блеск глаз, пальцы, сжимающие прутья.

Егор разломил пирог пополам. Протянул одну половину обратно, сквозь решётку.

— Возьми.

— Нет. Тебе нужнее.

— Я не буду есть один.

Она помедлила, но кусок взяла. Откусила маленько, прикрывая рот ладошкой. Егор откусил свой. Пирог оказался сладким, мягким, с кисловатыми яблоками и хрустящей корочкой. Корица грела изнутри. Он жевал медленно, стараясь растянуть удовольствие.

Потом Егор сказал, глядя в пол:

— Ты слышала, что сказал мне сегодня Толик?

Маруся насторожилась.

— Он сказал, что я родителям не нужен. Что меня сдали сюда, как ненужную вещь. — Голос Егора дрогнул, но он взял себя в руки. — Он врёт. Я знаю, что врёт.

— Конечно, врёт, — твёрдо сказала Маруся. — Он глупый нытик и ябеда. Когда я шла к тебе, я проходила мимо комнаты мальчиков. — Она усмехнулась. — Он до сих пор хнычет там. Говорит, что нос болит. Поделом ему!

Егор невольно улыбнулся. Представил себе Толика — толстого, розовощёкого Бригадира — который лежит на кровати и скулит, как побитая собака.

— Он просто завидует, — повторила Маруся. — У тебя есть то, чего у него никогда не будет. Ты не боишься. А он боится всего на свете. А ещё это...

Егор удивлённо посмотрел на неё.

— Ты прыгать умеешь, ты особенный. А он нет...

Егор промолчал. Его мысли были совсем о другом... Потом сказал тихо, почти шёпотом:

— С моими родителями... что-то случилось. Я не верю, что они меня бросили. Может, они погибли. Может... может, меня похитили.

Маруся смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Я хочу узнать правду, — продолжал он. — Найти их. Если они живы... Может, они ищут меня. Может, я им нужен. А они не могут найти.

— Ты узнаешь, — твёрдо сказала Маруся. — Обязательно узнаешь.

Он поднял на неё глаза.

— Я знаю одно место. Там, где хранятся ответы. Все ответы. На всех детей.

Она напряглась.

— Я хочу найти своё личное дело. Свои вещи. Узнать что-нибудь о родителях.

— Не надо! Тебя поймают! — она вцепилась в прутья. — Дверь всегда заперта. Ключ только у директрисы и у завуча. Ты не сможешь войти. А если попробуешь, тебя опять накажут. Ещё сильнее.

— Я смогу, — сказал он. — Я прыгну.

Маруся хотела возразить, но он поднял руку. Она замолчала на пару мгновений и упрямо продолжила.

— Но ты говорил, что не знаешь, как это работает...

Он задумался. Потом рассказал. Про тот раз, когда прыгнул в соседний город — потому что хотел пиццу. Оказался у пиццерии, почти сутки бродил по улицам, пока его не нашла полиция.

— Ты прыгнул туда, куда хотел? — спросила Маруся. — Ты хотел пиццу — и оказался у пиццерии. Это не случайность!

— И море... Я хотел в море. И прыгнул. И вернулся обратно. Потому что испугался и захотел обратно.

Егор замолчал. Он никогда не думал об этом так.

— А крыша? Ты прыгнул на крышу. Зачем? — спросила она.

— Я не хотел на крышу. Я хотел подальше от директрисы.

Маруся говорила тихо, спокойно. Егор слушал и чувствовал, как внутри что-то щёлкает — будто пазл складывается. И продолжил.

— Перед тем, как прыгнуть в море, я смотрел на картину. «Девятый вал». — Он закрыл глаза. — И думал о море весь день. Сильно хотел туда.

— А когда вернулся в класс?

— Я испугался. Я тонул. Осьминог... — Он открыл глаза. — Я хотел обратно. Туда, где безопасно.

— И вернулся.

— Да.

Маруся улыбнулась — грустно, терпеливо и как-то по-хитрому, как взрослая.

— Значит, чтобы прыгнуть правильно, куда хочешь, надо хорошо об этом подумать и представить?

Егор вдруг встрепенулся и воскликнул:

— Я понял, как это работает! Я прыгаю туда, куда сильно хочу! Значит я могу уйти... Понимаешь? Я могу насовсем уйти... Сбежать!

Он радостно заулыбался во весь рот, наверное, впервые за время, проведённое в детском доме. И вдруг спросил:

— А ты? Ты хотела бы уйти? Со мной?

Маруся грустно вздохнула.

— Я не могу уйти... Тут я дома... Я... Не могу, но очень бы хотела...

И вдруг спросила:

— А как бы ты меня взял с собой? Я же не умею прыгать, как ты...

Егор задумался. Посмотрел на свои руки.

Маруся вдруг что-то вспомнила и воскликнула:

— Осьминог, Егор! Вспомни, как ты принёс с собой осьминога!

Егор от волнения подскочил ближе к окну и сжал прутья.

— Но это была случайность... Он просто вцепился в меня... Я испугался... — сказал он растерянно.

Маруся посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом и тихо прошептала:

— Но если ты можешь что-то принести, значит, можешь и унести...

Егор от волнения потерял дар речи. Последний пазл сложился в общую картину, всё сразу стало понятно. Сердце бешено заколотилось. Он почувствовал мелкое покалывание по всему телу, как после удара током.

Маруся опять прошептала:

— Ты же меня не забудешь?

— Мы обязательно еще увидимся! Я обязательно приду тебя навестить. Верь мне...

Он хотел сказать ей ещё много чего, но почему-то стало так грустно от этой мысли, и слова застряли в горле.

— Я знаю... Ты пообещал...

Она сказала это так просто, будто обещание — это камень, который можно положить в карман и носить с собой.

Она смотрела на него долго, тяжело. Потом опустила глаза и сказала ещё тише:

— Будь осторожен.

Егор молча кивнул...

Она отодвинулась от решётки, зашуршала одеждой. Егор подумал, что она уходит, но она остановилась. И тут со стороны ворот послышался шум. Рёв мотора, хруст гравия под колёсами. В темноте вспыхнули два ярких луча — фары въезжающей на территорию машины. Свет скользнул по двору, на секунду ослепив обоих. Маруся вздрогнула, отшатнулась.

— Кто это? — спросил Егор.

— Не знаю. — Она испуганно оглянулась. — Мне надо идти. Если увидят...

— Маруся, стой...

Она уже отбежала на несколько шагов, но вдруг вернулась. Сунула руку сквозь решётку, разжала пальцы. На ладони лежал мишка. Старый, потрёпанный, с шерстяным шарфиком и цепочкой. Тот самый, с которым она никогда не расставалась.

— Возьми, — сказала она. — Чтобы помнил. И чтобы вернулся.

Егор взял мишку. Хотел отказаться, но увидел её глаза — и понял: это не игрушка. Это обещание, которое нужно положить в карман... Он только прижал мишку к груди и еще раз кивнул. Сильно. Один раз.

Маруся улыбнулась — в последний раз. Её глаза предательски блестели, но она старалась не плакать. Развернулась и побежала к тени акаций. Через секунду её фигурка исчезла в темноте, растворилась, как и не бывало.

Егор остался один. С мишкой в руках. Под светом фар, которые через мгновение погасли — машина въехала во двор, но он уже не смотрел. Он прижимал к груди тёплую, пахнущую Марусей игрушку и смотрел на окно. Луна почти скрылась за деревьями. Скоро рассвет. Нужно было уходить...

Но перед этим — одна мысль, одна цель, которая ждала своего часа слишком долго. Сначала нужно кое-что сделать, — подумал он. То, что он хотел уже много лет. То, чего боялся. То, ради чего он несколько раз пытался пробраться туда, но его каждый раз ловили. Он вспомнил. Те ночи, когда он крался по тёмным коридорам, замирая от каждого скрипа половиц. Те разы, когда его хватали за шиворот и тащили обратно в спальню. Те наказания, которые были ничем по сравнению с желанием узнать правду.

Там, за тяжёлой дверью в конце коридора на втором этаже, хранились дела всех детей. Папки с документами. Коробки с личными вещами — теми, что отобрали у них, когда они впервые переступили порог детдома. Егор знал об этом от старших ребят. Те, кто пробыл здесь дольше всех. Иногда шёпотом рассказывали: «Там есть всё, что у тебя забрали в первый день. Всё лежит в коробках.» Он пытался. Не раз. Но сейчас у него был козырь, которого не было раньше.

Он представил комнату. Тяжёлую дверь. Стеллажи с папками. Коробки на нижних полках. Знакомый запах пыли и старой бумаги. Он никогда там не был, но представлял так отчётливо, будто видел во сне. Очень сильно захотел туда попасть. Туда, где лежит его прошлое.

Сердце забилося чаще. В груди заныло — волнующе, будто перед прыжком с обрыва. Он встал. Сжал мишку в руке. Лампочка моргнула. Потухла. В ушах зашумело. В этот момент он услышал за дверью шаги. Тяжёлые, уверенные. Лязгнул ключ в замке. Сейчас войдут.

— Всё, — сказал он в темноту. — С меня хватит.

И провалился в пустоту. Исчез. За секунду до того, как дверь распахнулась.

— Он здесь, — сказала директриса, заглядывая внутрь. — Я заперла его лично. Никуда не денется.

Свет фонарика скользнул по стенам, упёрся в пустую раскладушку.

— Что? — голос Ларисы Робертовны сорвался. — Этого не может быть.

Она метнулась внутрь, заглянула под койку, в угол, к трубе. Никого.

— Он был здесь. Я сама его заперла. Я...

— Тише, — сказал кто-то из-за её спины.

В дверях стоял мужчина. Высокий, статный, в тёмном пальто и шляпе, надвинутой на глаза. Лицо тонуло в полумраке — только седые брови и острый подбородок. Он не торопился. Смотрел на пустую раскладушку долго, внимательно, потом перевёл взгляд на решётку, потом на пол.

— Как? — прошептала директриса. — Как он мог? Окно закрыто. Дверь была заперта.

— Позже, — сказал мужчина.

Он развернулся и вышел в коридор.

В кабинете на рабочем столе тускло горела настольная лампа. Лариса Робертовна сидела в своём кресле, сжимая салфетку, вытирая взмокший лоб. Мужчина стоял у окна. Не снимал шляпу, не поворачивался. Тишина давила так, что слышно было, как на стене тикают часы.

— Лариса Робертовна, — сказал он наконец.

Она вздрогнула. Голос был тихим, медленным, спокойным — и от этого спокойствия становилось только страшнее.

— Объясните мне, что произошло.

— Всеволод Аркадьевич, — залепетала она. — Я... мальчик... он неуправляемый. Я пыталась. Мы все пытались.

Она выдохнула, собралась.

— Сегодня днём он сорвал проверку комиссии! Устроил панику в классе! Принёс откуда-то осьминога! Дети в истерике. Комиссия уехала. А потом он... он прыгнул. С крыши! В фонтан! Я его наказала. Посадила в подвал. Он должен был сидеть там неделю. Я...

Мужчина поднял руку. Она замолчала.

— Лариса, — сказал он.

Голос стал мягче — но в этой мягкости появились железные нотки, от которых у неё перехватило дыхание.

— Когда я привёз сюда мальчика, я предупреждал. Он особенный. Всё, что от тебя требовалось — присмотреть за ним.

Он повернулся. Лица под шляпой не было видно, но директриса почувствовала, как под этим взглядом немеют колени.

— А ты что тут за инквизицию устроила? Я предупреждал тебя, Лариса. Ты отвечаешь за него головой.

— Всеволод Аркадьевич! — она вскочила, чуть не уронив кресло. — Я всё сделаю! Я найду его! Это не в первый раз, он сбегал раньше, я...

Жест. Один короткий жест — и она снова замолчала, и села.

— Ты ничего не будешь делать, — твёрдо сказал он, слегка повысив голос. — Теперь я сам его найду.

Он сделал паузу. Голос опять стал тише.

— Ты укусила руку, которая тебя кормит. Разве я плохо тебе за это платил? Разве я мало оказывал финансовую помощь этому учреждению?

Директриса замерла.

— Что значит... платил? — спросила она тихо. — Что значит — оказывал, Всеволод Аркадьевич?

В её голосе появилось что-то новое. Не страх. Жадность. Обида. Желание понять, сколько она потеряла.

Мужчина усмехнулся. Сухо, коротко.

— Это значит, Лариса, что я прекращаю финансовую поддержку. И тебе. И детскому дому.

Она дёрнулась, открыла рот.

— Но...

— Ни я, — перебил он, — ни мальчик больше не нуждаемся в твоих услугах.

Он развернулся и вышел. Шаги застучали по коридору — ровные, спокойные, неспешные. Директриса осталась сидеть, глядя на закрывшуюся дверь. Она знала, что это значит. Без его денег детдом не протянет и года. Её уволят. И никто не возьмёт на работу женщину, которая не уберегла особого ребёнка.

Она всхлипнула. Потом заплакала — навзрыд, в голос, как ребёнок.

Мужчина в шляпе шёл по коридору. На секунду, услышав её плач, он замедлил шаг. Замер. Рука дрогнула — может быть, ему захотелось вернуться, утешить, пообещать, что всё наладится. Но он не вернулся. Только поправил шляпу и пошёл дальше.

Всхлипы из кабинета звучали ещё долго. Он не обернулся.

А в это время Егор открыл глаза. Вокруг было темно. Пахло пылью, старой бумагой, чем-то сухим и забытым. Он стоял посреди комнаты, заставленной высокими стеллажами. На полках — папки, скоросшиватели, картонные коробки, подписанные маркерами. Тусклый свет из-за занавешенного окна едва позволял различать очертания.

Архивная комната. Он узнал её по описаниям старших ребят. Попал. В первый раз в жизни — попал туда, куда хотел.

Сердце колотилось. Он боялся. Не того, что его поймут — хотя и этого тоже. Он боялся того, что может найти. Но отступить было некуда.

Егор осторожно двинулся вдоль стеллажей. Папки были подписаны. Фамилии и года поступления. Некоторые имена он знал — они принадлежали детям, которые жили здесь сейчас или жили раньше. Он перебирал их, стараясь не шуметь, прислушиваясь к каждому звуку в коридоре за дверью.

И вдруг — шорох.

Где-то в дальнем углу, за стеллажами, что-то зашуршало. Егор замер. Сердце казалось остановилось. Он прислушался. Тишина. Потом снова — шорох, и что-то упало. Будто коробка свалилась с полки. И тень — мелькнула тень между стеллажами, быстрая, неуловимая, как мышь.

— Кто здесь? — прошептал Егор, но никто не ответил.

Тишина. Только его дыхание и стук собственного сердца.

Он стоял не дыша, вглядываясь в темноту. Никого. Только стеллажи, коробки, папки. Может, показалось? Может, мыши?

— Мыши, — сказал он себе шёпотом. — Наверное, мыши.

Он выдохнул и продолжил поиски.

Вот коробка с детскими вещами — маленькие ботиночки, вязаная шапочка, плюшевый заяц с оторванным ухом. Вот другая — фотографии в конверте: улыбающаяся женщина, мужчина в форме, малыш на руках. У кого-то была игрушка. У кого-то — одежда, в которой его привезли. У кого-то — письма, которые он так и не прочитал.

Егор искал своё.

Он перебирал папки, заглядывал в коробки, читал имена. Нервно оглядывался на дверь при каждом скрипе здания. Время тянулось медленно, и с каждой секундой надежда таяла.

Потом он дошёл до конца стеллажа. Потом проверил другой. Потом третий.

Ничего.

Его папки не было. Его коробки не было. Никаких вещей, никаких документов — будто он появился здесь из ниоткуда и исчезнет в никуда.

Он замер, прижимаясь спиной к холодной стене, и пытался унять дрожь. Почему? Почему у всех есть прошлое — даже если оно спрятано в этих коробках, — а у него нет?

И вдруг из коридора донеслись звуки.

Шаги. Не крадущиеся, не осторожные — спокойные, уверенные. Кто-то шёл по коридору, не таясь. Егор замер. Сердце ухнуло вниз. Он метнулся к двери, осторожно приоткрыл её — ровно настолько, чтобы видеть щель.

По коридору удалялась фигура. Высокий мужчина в тёмном пальто и шляпе. Он шёл не спеша, слегка сутулясь, и в его походке было что-то знакомое, от чего у Егора перехватило дыхание.

Где я видел его? Где я чувствовал этот запах?

Шлейф туалетной воды витал в воздухе коридора — терпкий, сладко-горьковатый, с нотками дерева и табака. Егор втянул носом воздух — и память ударила, как током.

Та же ночь. Машина. Приторный запах духов. Руки, которые несли его, маленького, испуганного, сквозь темноту.

Он узнал этот запах. Не лицо — он не помнил лиц. Но запах — да. Запах преследовал его в кошмарах.

Мужчина в шляпе на секунду остановился. Егор прижался к двери, затаил дыхание. Услышал? Заметил?

Из кабинета директрисы доносились всхлипы. Мужчина не обернулся. Постоял секунду, поправил шляпу и пошёл дальше. Шаги затихли в конце коридора.

Егор стоял, не дыша. Его трясло. Не от страха — от чего-то большего.

Это он. Тот человек из той ночи. Он привёз меня сюда. Он знает, кто я. И это он забрал моё дело. Мои вещи. Всё, что могло бы привести меня к родителям.

В голове щёлкало, складывалось, собиралось в картину. Тот самый мужчина, который привёз его десять лет назад. Он приехал снова.

Почему? Зачем? Что он скрывает?

Но сейчас не время было задавать вопросы. Егор сделал глубокий вдох, сжал в руке мишку крепче, зажмурился. Сосредоточился.

Мысли хаотично мелькали... Куда? Не море — там опасно. Не город — там полиция. Не лес — там нечего есть.

Он не знал. Тогда он подумал о свободе. Не о месте — о состоянии. О том, что утром проснётся и никто не скажет ему, что делать. Никакой директрисы. Никаких учителей. Никакого подвала...

— Туда, где никто не скажет, что делать, — прошептал он.

И закрыл глаза...

Глава 3. Странный Дом

Кабинет утопал в полумраке. Тяжёлые портьеры были задвинуты, настольная лампа с зелёным абажуром отбрасывала жёлтый круг на полированную поверхность стола, оставляя углы комнаты во тьме. Пахло здесь старой кожей, табачным дымом и чем-то ещё — едва уловимым, дорогим, терпким.

В кабинете царило молчаливое напряжение.

За столом сидел мужчина. Пожилой, но выглядел моложе — подтянутый, с резкими чертами лица, высоким лбом и сединой на висках, которая только добавляла ему солидности. Руки расслабленно покоились на столе. Одет он был безупречно — тёмный костюм, белая сорочка, запонки с тёмным камнем. Ничего лишнего. Всё говорило о породе и привычке к порядку.

Напротив него, откинувшись в кресле, сидел другой. Тоже немолодой, под шестьдесят, с заплывшей фигурой и тяжёлым подбородком. Но в нём угадывалась военная выправка — широкая спина, короткая стрижка, жёсткий, цепкий взгляд из-под нависших бровей. Он сидел, положив руку на подлокотник, и нервно барабанил пальцами. Перед ним стояла бронзовая старинная пепельница, серебряный портсигар и коллекционная зажигалка Zipro, которая небрежно валялась возле пепельницы.

— Мы ждём уже слишком долго, — сказал он. Голос — низкий, командный, привыкший к повиновению. — Руководство на пределе.

Мужчина за столом не торопился с ответом. Только слегка приподнял бровь.

— Я понимаю.

— Понимаете? — гость усмехнулся. — Этого мало, Всеволод Аркадьевич. Нужны ответы. Когда же это наконец закончится?

Всеволод Аркадьевич молчал. Спокойно, с лёгкой усталостью во взгляде.

— Проект не может быть завершён по щелчку пальцев, полковник. Вы должны это понимать.

— Я понимаю только одно, — полковник подался вперёд, открыл портсигар, привычным движением достал сигарету и закурил. Его голос стал тише, но от этого не менее жёстким. — Эксперимент затянулся. Обещания — они уже ничего не стоят. Результаты нужны сейчас. Не завтра. Не через месяц. Сейчас.

Профессор чуть склонил голову, изучая собеседника. Он слегка поморщился, глядя, как клубы дыма медленно поднимаются к потолку. Видно было, что ему не нравился запах сигарет. Но он промолчал. В его движении не было ни страха, ни подобострастия. Только спокойная, почти ленивая уверенность.

— Научный центр по исследованию... — полковник запнулся. — Ваших этих особенных... — он небрежно кивнул в сторону двери. — Находится под вашим патронажем, — напомнил он. — Я это помню. Вы, конечно, являетесь его создателем. Но, по-моему, забываете, кто его курирует. И вы же — главная головная боль, — продолжил полковник. — Мне плевать на ваши обиды. Мне нужно, чтобы механизм заработал.

— Механизм, — повторил профессор с лёгкой усмешкой. — Вы говорите о живых детях.

— Детях? — полковник вскинул голову. — Вы шутите? Это не дети. Это монстры.

На секунду в кабинете повисла тишина. Полковник осекся, но не отвёл взгляда.

— Я военный человек, — сказал он уже спокойнее. — Привык выполнять приказы. Но была бы моя воля... — он затушил недокуренную сигарету. И приподнял руку, сжатую в кулак, как будто собирался ударить по столу. Кулак замер в воздухе. Полковник посмотрел на него, потом на профессора, потом снова на кулак. Рука медленно опустилась, разжалась и легла на столешницу — тяжело, бессильно, нервно.

— Была бы моя воля... — повторил он, но не закончил.

Профессор терпеливо ждал.

— Что? — тихо спросил он. — Что было бы, полковник?

Тот не ответил. Только скривил губы.

Профессор откинулся в кресле.

— Для вас они — эксперимент, — сказал он. — А для меня — нечто большее... Я потратил на эти исследования большую часть жизни... И в конце концов, вы должны понимать — это просто дети.

— Дети, — повторил полковник с издевкой. — Ваши «дети» ... — он не договорил, махнул рукой.

Профессор подождал, пока полковник успокоится.

— Без последнего элемента, — сказал он, выделяя голосом каждое слово, — основной механизм не будет работать как задумано. Результат, которого вы ждёте, невозможен без него, либо будет неэффективным.

— Да знаю. Сколько можно твердить одно и то же? — Полковник досадливо поморщился и махнул рукой. — Где он? Когда вы его найдёте? — спросил он уже более ровным тоном.

— Я ищу. И скоро найду. — Профессор чуть подался вперёд. — У меня свои способы, о которых вы не знаете. И я прошу вас — не вмешивайтесь.

— Не вмешивайтесь? — полковник усмехнулся, но усмешка вышла нервной. — Вы не понимаете. Руководство на пределе. Они готовы вмешаться сами.

Он помолчал, словно взвешивая следующие слова.

— И кажется, вы забыли ещё кое-что, Всеволод Аркадьевич. Его ищем не только мы с вами, — продолжил он.

Профессор замер. Пальцы его напряглись.

— Но важно не это. — Полковник отмахнулся. — Важно то, что если они найдут его первыми, вы знаете, что будет. И они не станут церемониться ни с мальчишкой, ни с вами.

— Вы мне угрожаете? — спросил профессор. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Пока предупреждаю. — Полковник поднялся. — Я даю вам две недели...

Он не договорил.

— Две недели — это предел, — добавил он, понизив голос. — Дальше я уже не смогу вас прикрывать. Сами знаете, как у нас любят «разбираться» с теми, кто не укладывается в сроки. И чем серьёзнее проект, тем короче поводок.

— А если не найдёте... — он посмотрел на профессора сверху вниз.

Профессор медленно поднял на него глаза.

— Найду.

— Я хочу слышать не «найду», а «нашёл». — Полковник навис над столом. — Мои люди уже начали операцию по его поиску. У них есть приказ: в случае обнаружения — забирать. Не дожидаясь вас.

— Хотел бы я на это посмотреть, — в голосе профессора проскользнула ирония. А в глазах мелькнули озорные искорки, но буквально на одно мгновение, и полковник не заметил.

Профессор помедлил, посмотрел в сторону, будто прислушиваясь к чему-то, что слышал только он.

— Он становится сильнее с каждым днём. ОНО зовёт его, — сказал он уже серьёзным тоном. — Поэтому он не может долго находиться в одном месте. Сам этого не осознаёт.

Полковник задумался. Затем выпрямился и сказал:

— Тогда у вас ещё больше причин поторопиться.

Он направился к выходу, но на пороге задержался и оглянулся.

— Две недели, — повторил он. — И ни днём больше. Приказ свыше. Национальная безопасность, Всеволод Аркадьевич. Вы же понимаете.

И в этот момент из коридора донёсся панический крик:

— Профессор! Профессор!

Полковник вышел в холл и чуть не столкнулся с мужчиной, который нёсся навстречу. Грузный, лысеющий, в красном спортивном костюме, разодранном в клочья и перепачканном так, будто его повалили в грязи. Волосы дымились. Лицо красное, глаза выпученные.

Полковник отпрянул от неожиданности.

Мужчина едва не сбил его с ног, даже не заметил — пронёсся мимо и ворвался в кабинет профессора. Полковник проводил его недоумённым взглядом, брезгливо поморщился, покачал головой и зашагал к выходу.

В кабинете физрук — Фёдор Степанович — рухнул в кресло, не дожидаясь приглашения.

— Всеволод Аркадьевич! — выдохнул он. — Всё! Я ухожу! Сегодня! Сейчас! Навсегда!

Профессор не изменился в лице. Только бровь чуть приподнялась. Видимо, он уже знал причину этой паники и давно привык к этому.

— Фёдор Степанович, вы не можете уйти. У вас контракт, — сказал он твёрдо.

— К чёрту контракт! — физрук замахал руками. — Они меня убьют! Они сначала... это... — Он поднял руки и растопырил пальцы. — Потом это... — развёл он широко руками, видимо пытаясь что-то изобразить. — Всеволод Аркадьевич! Прямо посреди спортзала! — показывая рукой туда, где находился спортзал, заикаясь и задыхаясь от эмоций, продолжал физрук. — Я упал. Они... Там болото, идёт снег! Понимаете? А потом эта ваша... Ну эта... — он замахал руками, как птица крыльями. — Она чуть не подожгла меня! Я чудом выжил! Вот... Вот... — показал он на свои дымящиеся волосы. — А потом...

Он судорожно полез в карман и вытащил зелёную жабу. Та сидела на ладони, надувала щёки и смотрела круглыми глазами.

— А это? Это мой свисток! В четвёртый раз за неделю! — завопил Фёдор Степанович, потрясая жабой перед носом профессора.

Профессор взял жабу. Внимательно на неё посмотрел и сдержанно улыбнулся. Она громко квакнула. Он тихонько подул на неё. Та дёрнулась — и снова стала свистком. Пластиковым, потёртым, с верёвочкой.

— Успокойтесь, Фёдор Степанович. Это очень редкий феномен, редкий и малоизученный. Называется — наваждение. Простыми словами — это своего рода гипноз, но наоборот. Не человеку внушают, что он видит жабу, а предмет начинает «думать», что он жаба.

Фёдор Степанович сделал вид, что всё понял, трясущимися руками принял свисток из рук профессора и выдохнул с таким облегчением, будто ему вернули потерянного ребёнка. Но тут же продолжил:

— Посмотрите на меня! Я похож на человека, который готов продолжать работать в таком аду? Я учитель физкультуры, Всеволод Аркадьевич! — гордо заявил он. — Моё дело — свистеть и подтягиваться! Подтягиваться и свистеть!

Он машинально поднёс свисток к губам, но на полпути рука замерла. Глаза его расширились. Он переводил взгляд со свистка на профессора и обратно, вспоминая, что минуту назад этот предмет «думал», что он жаба, и квакал. Рука дрогнула. Он медленно и осторожно опустил его, как будто у него в руках была змея, положил на край стола и отодвинулся подальше.

— Я не знал, на что подписывался! Вы сказали — «одарённые дети»! Я думал — спортсмены! А это... это бесовщина какая-то! — возмущался он, опасливо поглядывая на свисток, словно ожидая, что он превратится в нечто более жуткое и мерзкое и прыгнет на него.

Профессор посмотрел на него долгим взглядом. На лысину, с которой всё ещё вилась тонкая струйка дыма. На перепачканный костюм. На дрожащие руки.

— Я требую прибавки! — продолжал распыляться физрук. — На двадцать процентов! И премию за вредность! И новый спортивный костюм!

Профессор вздохнул и утвердительно кивнул.

— И чтобы они больше не трогали мой свисток! — важно подняв указательный палец вверх, продолжил Фёдор Степанович.

— Этого обещать не могу, — невозмутимо ответил профессор.

Физрук хотел возразить, но, вспомнив про обещанную прибавку и премию, передумал. Поправил то, что осталось от волос, сунул свисток обратно в карман и встал.

Профессор встал тоже, подошёл к нему, положил руку на плечо — спокойно, почти потечески.

— Идите, Фёдор Степанович. Отдохните. Завтра будет новый день, — сказал профессор, выпроваживая физрука за дверь.

Физрук вздохнул, кивнул и, чуть успокоившись, вышел из кабинета.

Фёдор Степанович поплёлся к лестнице. Ворчал он всю дорогу — тихо, но так, что профессор ещё долго слышал отдельные фразы.

— Жабы... — бормотал он, спускаясь по ступеням. — Я учитель физкультуры, а не... не дрессировщик этих... этих бесов. И зачем мне эта прибавка, если они меня всё равно когда-нибудь сведут в могилу? Или утопят... Или превратят в лягушку... Или в кого похуже...

Он остановился на площадке, перевёл дух.

— Четвёртый... — вспомнил он. — Четвёртый за неделю. Четвёртый! А они говорят — одарённые. Одарённые черти, а не дети.

Фёдор Степанович ещё раз глубоко вздохнул, ещё раз поправил волосы, похлопал по карману и, убедившись, что со свистком всё в порядке, побрёл дальше, продолжая бормотать что-то неразборчивое.

Профессор опустил в кресло, провёл ладонью по лицу, на котором была видна усталость. Он задумался, глядя на портьеры.

Потом встал, подошёл к столу, взял из ящика небольшой фонарик. Включил. Холодный свет выхватил из темноты резные панели шкафа, стоявшего у дальней стены, в неосвещенной части кабинета. Нажал на одну из них — и шкаф бесшумно отъехал в сторону, открывая узкий тёмный проход.

Из коридора повеяло сыростью и стариной. Ступени вели вниз, в подвал. Профессор шагнул в темноту.

Подвал встретил его холодом и запахом забытых вещей. Здесь, за тяжёлой каменной дверью, находилась комната — когда-то, видно, это тоже был кабинет. Паутина свисала с потолка, на полу лежал толстый слой пыли. Луч фонарика выхватывал из темноты странные предметы: осколки металла с переливающейся голубизной, старые пергаменты с рунами, стеклянные колбы, пучки сушёных трав, замысловатые расчёты на миллиметровой бумаге. На полке стояло чучело вороны. В углу — старая метла. На стене висела огромная карта с какими-то пометками. У стены — старинный обшарпанный письменный стол.

Профессор поднёс фонарик поближе. На карте красными чернилами были отмечены точки — города, посёлки, перекрёстки трасс. Некоторые обведены кружками, другие — зачёркнуты. Возле одной из точек стояла дата. Сегодняшняя.

Он провёл пальцем по отметке, убрал руку. Затем подошёл к столу, заваленному старыми пыльными папками. Среди них стояла каменная шкатулка с вырезанными по всей поверхности странными узорами и символами, напоминающими древнюю письменность.

Профессор осторожно провёл по ней ладонью, смахнув пыль. Помедлил, глядя на крышку. Но открывать не стал. Рядом лежал дневник — потрёпанная тетрадь в кожаном переплёте. Он перелистнул несколько страниц. Читал молча.

Из дневника выпала фотография. По потрёпанным краям с жёлтыми разводами было видно — хранили её долго. На ней был мальчик — тёмные волосы, серо-голубые глаза. Рядом с ним стояли мужчина и женщина. Они обнимали мальчика. Счастливые. Живые.

Профессор долго смотрел на снимок. В его глазах появилось нечто, напоминающее печаль. А может быть, вину. Он аккуратно положил фотографию во внутренний карман пиджака.

Дневник закрыл, убрал обратно в ящик. Вышел из комнаты, поднялся по ступеням. Шкаф бесшумно встал на место.

Он сел в кресло, опять достал фотографию, посмотрел на неё.

— Ну где же ты? — тихо спросил профессор. Его лицо казалось мрачным — возможно, из-за полумрака.

В тишине раздался звонок.

Старый, кнопочный телефон, который он держал для экстренных случаев. Профессор помедлил, затем снял трубку.

— Слушаю.

Мужской голос на том конце сухо сообщил:

— Нашли.

Профессор молча положил трубку. Бережно убрал фотографию в бумажник, положил в нагрудный карман. Надел шляпу, накинул пальто. Выключил лампу. Стремительно вышел.

Кабинет погрузился в темноту и тишину.

Из угла, где сгущалась тень, бесшумно появилась девочка. Лет четырнадцати, худая, в тёмном платье, с большими глазами, которые в полумраке казались чёрными и печальными.

Ворота открылись, машина тронулась. Профессор снял шляпу и откинулся на заднем сиденье.

Ночь стояла морозная, но не тёмная. Луна, прорвавшись сквозь рваные тучи, заливала всё вокруг холодным волшебным светом. Крупные хлопья снега падали на землю не спеша — будто хотели подольше задержаться в воздухе, покружиться в этом призрачном сиянии, прежде чем навсегда исчезнуть в сугробах. Вокруг простирался тёмный, дремучий лес. Вековые сосны, освещённые луной, казались живыми великанами, плывущими по снежным волнам. Вдали угадывались горы — спящие исполины, укрытые белыми саванами.

Всеволод Аркадьевич смотрел как будто в пустоту — зимняя сказка за окном не трогала его. Он закрыл глаза и откинул голову.

Девочка подошла к окну, приоткрыла штору. Лунный свет озарил её бледное лицо. Длинные, волнистые волосы золотистого оттенка, казалось, светились изнутри. Она посмотрела вслед удаляющимся огням чёрного автомобиля. Её губы дрогнули — будто она хотела что-то сказать. Но она промолчала. Только провела ладонью по холодному стеклу, оставив на нём едва заметный след.

Потом развернулась и шагнула обратно в тень. Ее силуэт растворился, как туман на рассвете, оставив за собой лишь лёгкое дуновение холодного воздуха.

Глава 4. Там, где никто не скажет...

Лес жил своей шумной жизнью.

Визг бензопил резал морозный воздух. Глухие удары топоров перемешались с рёвом лесовоза. Грузёные брёвна пахли смолой и морозом. Работа кипела. Люди в тёплых куртках, валенках, ушанках сновали между деревьями. Перекрикивались, матерились — привычно, без злобы.

А потом — тишина.

Бензопилы замолкли. Топоры затихли. Лесовоз укатил к трассе.

Обед.

Рабочие потянулись к вагончику. Кто-то доставал домашние тормозки. Кто-то ставил чайник. Кто-то выходил покурить на крыльцо, закутавшись в телогрейки. Гул голосов, смех, редкая брань.

Парень лет шестнадцати сидел в стороне. На поваленной сосне, у самого края деляны.

Чёрная куртка с капюшоном, надвинутым на лоб. Топор, прислонённый к стволу. Рюкзак с потёртыми лямками. Он достал термос, налил в кружку остывший чай. Бутерброды с колбасой и сыром — вот и весь обед.

Парень старался держаться подальше. Не потому, что не любил людей. Просто боялся привыкать.

Мужики уже привыкли к нему. Сначала звали к столу, пододвигали кружку, подкладывали хлеб. Пару раз он соглашался. Сидел с ними, слушал разговоры о домах, о жёнах, о детях. Обычные мужики. Обычная жизнь. Он смотрел на их обветренные лица, на заскорузлые пальцы. На то, как они заботливо разворачивают свёртки с салом. И думал: вот она, настоящая жизнь. Та, которую у него отняли.

Но большую часть времени в перерыв он проводил один.

Не успел откусить от бутерброда, как рядом закрипел снег.

— Егор! Не помешаю? — спросил Захар.

Парень поднял голову. Захар — мужик средних лет, коренастый, добродушный, с морщинками вокруг глаз — стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу.

Егор пожал плечами.

Захар опустился на сосну рядом. Достал из кармана кисет, привычным движением скрутил сигарку, закурил. Помолчал. Пустил колечко дыма в морозный воздух.

— Ты это, — сказал он, кивнув на бутерброд. — Ешь, не стесняйся. А то у тебя вид, будто нормально ел не помню когда.

Егор промолчал. Откусил.

— Вот и ладно, — удовлетворённо сказал Захар. — А то мы тут за своим столом гадаем: парень-то нормально питается? Али впроголодь?

— Нормально, — тихо сказал Егор.

— Ну и славно.

Захар помолчал ещё. Покурил. Пустил дым в небо.

— Ты, главное, не стесняйся. Там чай горячий. И место найдётся. — Он потушил сигарку о подошву валенка. — А то как зверь какой — всё один да один.

— Я привык, — сказал Егор, жуя.

— Ну, привык — это ладно. А иногда не надо привыкать. Иногда надо побыть с людьми.

Захар поднялся, отряхнул валенки.

— Ладно, пойду. Скоро перерыв кончится. — Он подмигнул. — Работа не волк, в лес не убежит. Вернее, убежит, но мы её догоним.

Он ушёл. Через минуту в глубине деляны завелась бензопила. Заунывно, привычно. Кто-то уже пообедал и вернулся к работе.

Егор доел бутерброд, вытер руки о снег. Допив чай, прислонился спиной к шершавому стволу. Прикрыл глаза.

Воспоминания мелькали, словно кадры в фильме.

Побег. Скитания.

Он вспомнил первый день после побега из детдома.

Темнота. Холод. Запах мусора и мочи. Егор лежал на чём-то твёрдом. Сердце бешено колотилось. Где-то капала вода, шуршали крысы.

Подвал.

Он снова в подвале.

Паника накрыла липкой волной. Но через секунду он понял — это не детдомовский подвал. Другой. Чужой. Значит, прыжок удался.

Егор сел, обхватил колени и вдруг рассмеялся. Тихо, надрывно, почти истерично. Получилось. Он сделал это. Всё получилось.

Свобода.

Он вышел на улицу. Город был незнакомым. Серые пятиэтажки, облупившиеся скамейки, редкие фонари. Рассвет разливался по небу бледно-розовым. Егор жадно вдыхал холодный воздух. Смотрел на пустые улицы. Чувствовал, как внутри разрастается что-то огромное, похожее на птицу, готовую взлететь. Он может идти куда хочет. Делать что хочет. Никто не скажет ему «нельзя».

Восторг разбился о пустой желудок на третьи сутки.

Он не знал, куда идти. В голове железной струной звенела одна мысль: как найти родителей? С чего начать?

Приходилось ночевать в подворотнях, на вокзалах, в заброшенных стройках. Каждую ночь, засыпая в темноте, он сжимал в кулаке Марусиного мишку. Шептал: «Я найду вас. Я обещаю».

Он боялся камер. Чёрные полусферы под потолком, мигающие красными огоньками. Он обходил их стороной, прятал лицо. Ему казалось, что за ними кто-то сидит и смотрит. Запоминает. Ищет.

Однажды, сидя на вокзале, он увидел стайку попрошайек. Чумазы, в лохмотьях. Они делили дневную добычу. К ним подошли такие же, но постарше — лет пятнадцати-семнадцати. Тот, что был самым высоким, вдруг дал затрещину самому маленькому пацану. Мальчик упал и заплакал.

Старшой склонился над ним, процедил сквозь зубы:

— Слышь, селёдка! Гони нашу долю! Если ныкать еще будешь, я тебя в траншее закопаю!

Пацан, продолжая плакать, вытащил из кармана горсть монет и несколько разноцветных купюр. Остальные смотрели молча. Боялись.

Егор не мог стоять в стороне, когда били слабых. Он уже понял, что мир несправедлив. И здесь, на свободе, всё как в детдоме: выживает сильнейший.

Он подошёл ближе.

Его не замечали. Он сделал ещё шаг. Сначала его заметили мелкие. Потом обернулись остальные. Старшой повёл плечами, растопырил худые руки — будто хотел казаться крутым бодибилдером.

— Те чё надо, утырок? Захотел кино посмотреть? Плати! А то я ща и тебе лицо сломаю!

Он воинственно наступал.

Егор просто стоял и молчал. Глядел прямо в глаза «герою». Подождал, когда тот подойдёт ближе. И нанёс короткий, но точный удар.

Послышался хруст.

Голова Старшого дёрнулась. Он упал, схватившись рукой за челюсть. Заверещал шепеляво:

— Ты сломал мне... Бей его, пацаны!

Вся толпа молча смотрела. Переводила взгляд то на Старшого, то на Егора. Никто не сдвинулся с места.

Егор развернулся и пошёл за угол. Уходя, слышал топот ног за спиной. Когда они добежали до угла, где он повернул... Егора там не было.

Потом — придорожное кафе. Там он мыл посуду и получал еду. Потом — порт. Грузчик. Пахло рыбой, соляжкой и потом. Кричали чайки. Грузчики матюкались и плевали сквозь зубы. И даже там, среди грохота лебёдок, ему казалось, что за ним следят.

И ни на минуту он не переставал думать о родителях. О той ночи десять лет назад. О человеке в шляпе. Каждую ночь он задавал себе вопросы. И не находил ответов.

А потом он попал сюда. На деляну, затерянную в тайге.

Работа была нехитрой — обрубать сучки на поваленных деревьях. Тяжёлой, однообразной, но честной. Никто не спрашивал документов. Никто не лез в душу. Егор работал исправно, и всех это устраивало.

Он возмужал. Руки, когда-то худые и угловатые, налились силой, покрылись мозолями. Он научился ловко управляться с топором. Старые лесорубы одобрительно кивали. Платили немного, но на еду и одежду хватало. Относились хорошо. По-человечески.

Когда темнело, рабочие уезжали домой — кто в посёлок, кто в город. В вагончике оставался только сторож. Пожилой, добродушный, с вечно дымящейся сигаретой в зубах. Ему разрешалось ночевать здесь. Они вместе со сторожем пили чай, смотрели вечерами телек. И Егор чувствовал себя почти человеком.

Он не заметил, как задремал. Сквозь сон слышал повизгивание пилы.

Потом — крик и шум падающего дерева.

Егор открыл глаза.

Сосна падала прямо на Захара.

Лесоруб замешкался, зазевался. Тень уже накрывала его. Огромное дерево медленно заваливалось, цепляясь ветками за соседние стволы. Ещё мгновение — и оно раздавит человека в лепёшку. Никто не успеет.

Егор не думал. Мир дёрнулся — и он уже был рядом.

Он схватил Захара за шкурку, дёрнул за собой. Они рухнули в снег. Сосна с глухим звуком припечаталась к земле — туда, где секунду назад стоял лесоруб.

Тишина.

Захар сидел в сугробе. Трясущийся, белый как снег. Смотрел на Егора широко раскрытыми глазами. Попытался что-то сказать, но губы не слушались.

А Егор смотрел на него — и внутри всё оборвалось.

Он снова не удержался. Снова прыгнул. При всех. При людях, которые не знали его тайну, не спрашивали, откуда он, кто он, не лезли в душу. И теперь Захар видел. Всё видел...

Захар не дурак. Он поймёт. Не сразу, может быть, но поймёт. А потом расскажет другим. И всё начнётся заново: вопросы, косые взгляды, шёпот за спиной. Его снова будут сторониться и считать странным. А ему так этого не хотелось.

Егор сжал зубы.

Он был зол на себя и весь мир.

Он ненавидел, что нельзя просто жить. Работать. Сидеть на поваленной сосне, пить чай, слушать, как мужики травят байки. Чувствовать себя нормальным. Он почти поверил, что здесь всё иначе. Что можно остаться.

Нельзя.

Он ненавидел, что снова надо уходить...

Егор подошёл к рюкзаку. Накинул лямки. Поднял топор. Посмотрел на Захара. Тот всё ещё сидел в снегу, не в силах подняться.

— Ты... ты... — выдавил наконец Захар. — Как ты...

Егор не ответил.

Он прыгнул далеко. Дальше, чем когда-либо прежде.

Под ним — снег. Белый, глубокий, нетронутый. Вокруг — лес. Суровый, молчаливый, зимний. Огромные сосны уходили в серое небо. Их тяжёлые лапы гнулись под тяжестью снега. Тишина.

Снег скрипел под ногами так громко, что казалось — этот звук слышен на много вёрст. Ветви иногда вздыхали, сбрасывая белые шапки. Где-то далеко стучал дятел. Больше ни звука. Только собственное дыхание и стук сердца.

Он побрёл вперёд. Падал. Вставал. Снова шёл.

Темнело. Он нашёл сломанное бревно, покрытое мхом. Сел. Бутербродов больше не было. Термос остыл. Он сидел, обхватив колени, и думал.

Как быть? Куда податься?

Денег нет. Документов нет. Ни дома, ни семьи.

Почему я не могу просто жить?

Холод пробирался под куртку. Леденил пальцы, щипал щёки. Егор натянул съехавший капюшон и прислонившись к дереву, подтянул колени к груди.

Тепло ушло. Веки тяжелели. Он не заметил, как провалился в сон.

Во сне образы мелькали, сменялись, путались. Директриса с выпученными глазами. Толик, смеющийся тонким голосом. Маруся протягивает мишку — но мишка тает в руках, превращается в воду. Потом тьма. И женский голос, напевающий колыбельную. Чей-то знакомый голос. Зовёт по имени.

Он периодически вздрагивал. Слышал уханье, скрип качающихся на ветру деревьев.

Потом — рычание.

Низкое, глухое. Очень близко.

Егор попытался встать — и не смог. Тело не слушалось. Окоченевшие мышцы отказывались работать. Он лежал в снегу, привалившись к дереву. Зубы клацали. Не чувствовал ни рук, ни ног. Только дрожь, которая сотрясала всё тело.

Сквозь приоткрытые веки он в темноте увидел оскал. Клыки. Глаза, горящие жёлтым. Волк.

Сердце ёкнуло. Егор попытался собрать остатки сил для прыжка. И понял, что не может. Слишком слаб. Слишком замёрз.

Рычание повторилось. Громче.

Рука сама потянулась к земле. Нащупала под снегом что-то твёрдое — топор. Он сжал рукоять побелевшими пальцами.

Рычание продолжалось. Егор смотрел в жёлтые глаза и ждал.

Короткий, пронзительный свист.

— Джек, ко мне.

Рычание прекратилось. Жёлтые глаза мигнули.

Под чьими-то шагами заскрипел снег.

Егор сквозь пелену увидел размытое лицо. Попытался что-то сказать, но не смог даже пошевелить губами. Только сжал топор крепче.

Кто-то присел рядом. Запах табака и леса. Большая рука легла ему на лоб.

Егор дёрнулся. И провалился в темноту.

Сильные руки подхватили его.

Он периодически приходил в себя. Чувствовал, что его кто-то несет, перекинув через плечо. Видел перед собой чьи-то следы, меховые сапоги на снегу. И жёлтые глаза — не человеческие. И снова терял сознание.

Потом — темнота, образы. Чей-то грубый голос. Свет. Чьи-то прикосновения.

Кто-то стаскивал с него одежду. Егор дёрнулся, попытался оттолкнуть чужие руки, но они были сильнее.

— Не дёргайся, — буркнул голос. — Твоя одежда сырая. Чтобы согреться, её нужно снять. Быстро.

— Пусти... — шептал Егор.

С него стянули куртку, свитер, футболку, ботинки, штаны. Укутали во что-то шершавое и тяжёлое — пахнущее овчиной и дымом.

Его трясло. Одеяло было тёплым, но холод вёлся в кости.

Снова чьи-то руки. Ему приподнимали голову и вливали что-то горячее. Он чувствовал сладковато-горький привкус трав и нечто огненное, обжигающее нутро.

— Пей, — говорил голос.

Он пил. Жидкость жгла горло, желудок. Всё внутри горело и грело.

Горячая волна разливалась по телу. Мышцы расслабились. Дрожь утихала.

— Спи, — сказал голос. — Тебе нужны силы.

И Егор уснул.

Сквозь сон он чувствовал, что его трясёт. Метался в жару, сбрасывал одеяло. Кто-то снова укутывал, поправлял, ворчал. Снились кошмары. Иногда он открывал глаза и видел расплывчатое лицо — бородатое, морщинистое, с внимательными глазами.

— Спи, — говорил голос. — Спи.

Он проснулся от запаха еды.

Пахло жареным мясом, луком, хлебом. Егор открыл глаза. Сквозь маленькое заиндевшее окно пробивался бледный зимний свет.

Егор увидел, что лежит на каком-то топчане. На полу его рюкзак. Он осмотрелся. Всё было деревянным: стены, потолок, дверь и даже скудная мебель. На стене висело ружьё. Печь топились. На печи стоял чайник и пыхтел паром. Было тепло.

Под потолком, на бельевой верёвке, сохли его вещи. В углу топор. Рядом, на полках — посуда, утварь, банки с мёдом, сушёными травами и заваркой, бутыл с мутной жидкостью, чьи то портреты в рамках.

Посреди комнаты стоял большой стол. На нём — сковорода с крышкой. Что внутри — не видно, но пахло безумно вкусно. Рядом со столом, на лавке, Егор заметил таз. Внутри — какие-то внутренности и кровь. Он напрягся.

Дверь со скрипом распахнулась.

На пороге появился бородатый мужчина с охапкой дров. Высокий, широкоплечий, худощавый. За ним следом забежала овчарка, виляя хвостом. На незнакомце был тёплый тулуп и меховые сапоги.

Увидев, что Егор открыл глаза, мужчина кивнул.

— Проснулся. А я уж думал, ты до обеда проспидишь.

Егор замер. Смотрел на мужчину, потом на свой топор, потом снова на бородача.

Тот заметил взгляд. Криво усмехнулся, бросил дрова у печи. Молча скинул тулуп, повесил на гвоздь. Убрал таз в сторону. Начал хлопотать у стола — нарезать хлеб, раскладывать по тарелкам что-то из сковороды.

Пёс крутился у ног хозяина, поскуливал — выпрашивал вкусное. Потом подбежал к Егору, обнюхал и сел рядом. Смотрел с любопытством.

Егор протянул руку, осторожно потрепал пса. Тот лизнул его ладонь — поприветствовал.

— Зайца вчера подстрелил, — сказал лесник. — Вставай, ешь жарёху.

Егор сел. Голова кружилась, но тело уже не дрожало. Он медленно поднялся.

— Сколько я спал?

— Почти двое суток. — Мужчина усмехнулся. — Я местный егерь. Лесник. Виктор меня зовут. А это твой спаситель — Джек. Тебя снегом замело, я бы не заметил.

Виктор кивнул на лавку у окна. Там лежала чистая одежда.

— Одевайся. Твоё пока сушится.

Егор натянул свитер, штаны, шерстяные носки. Всё было чужим, большим, но тёплым. Подошёл к столу, сел.

Лесник поставил перед ним тарелку с жареным мясом. Подал ломоть хлеба. Налил кружку горячего чая.

— Ешь. Разговоры потом.

Егор ел. Жадно, быстро. Мясо было мягким, тающим во рту. Вкуснее никогда не пробовал. Он съел всё. Виктор усмехнулся, подложил ещё.

Когда тарелка опустела, Егор отодвинулся от стола и посмотрел на лесника. Тот сидел, сложив руки на груди, и смотрел спокойно, с любопытством.

— Спасибо, — сказал Егор.

— Не за что, — коротко ответил Виктор, подкидывая Джеку кусочки мяса.

Помолчали.

— Как звать? — спросил лесник.

— Егор.

Виктор кивнул, почесал пса. Джек улёгся у ног хозяина.

— Как ты там оказался? — спросил он. — В лесу. Зимой. Без еды. Без тепла.

Егор помолчал. Смотрел в кружку.

— Сбежал из детдома.

— Сирота?

— Да.

Виктор не стал спрашивать почему. Подлил Егору в кружку ещё чая.

— Ты не первый, кого я нахожу в лесу. Но ты первый, кто выглядит так, будто убежал от кого-то.

Егор поднял глаза.

— Вы... не знаете... — сказал он тихо.

— И не хочу знать, — усмехнулся Виктор. — Знаю только, что ты живой. А остальное — не моё дело.

Они помолчали.

— Есть куда идти? — спросил Виктор.

— Нет.

— Если хочешь, можешь остаться. Я тут один. Помощник нужен.

Егор потерял дар речи.

— Еда — с моего стола. Крыша над головой. А ты помогаешь по хозяйству. И иногда гоняешь в город за продуктами.

— В город? — Егор насторожился. — Там...

— Люди? — опередил Виктор. — Но не все плохие. Ходить будешь со списком. Туда и обратно. Купил, взял, вернулся. Никто тебя не тронет.

— Почему вы мне помогаете? — спросил Егор. — Вы меня не знаете. Я могу быть кем угодно.

Виктор усмехнулся.

— А кто ты? — спросил он.

Егор не ответил.

— То-то и оно, — сказал Виктор. — Ты сам не знаешь, кто ты. А я знаю одно: парень, который чуть не замерз в лесу.

Егор молчал. Смотрел на огонь в печи. На стены из толстых брёвен. На ружьё. На собаку.

— Спасибо, — сказал он.

Джек вдруг вскочил и подошёл к нему. Ткнулся носом в руку, лизнул пальцы — и вильнул хвостом. Будто тоже просил остаться.

Глава 5. Красный снег

Жизнь в хижине вошла в свою колею.

Егор просыпался от того, что Джек тыкался носом в лицо. Холодным, мокрым, требовательным. Потом они вместе шли к дровянику — Егор колот, пёс сидел рядом и внимательно следил, чтобы ни одна щепка не пропала даром. Потом завтрак. Иногда Виктор давал задание сходить в город за припасами. Иногда брал с собой на охоту. Учил читать по следам.

— Смотри, — говорил Виктор, показывая на следы. — Заяц. Торопился, значит, слышал кого-то. А здесь лиса. Кралась, хвостом заметала следы. Хитрая.

Егор учился. С каждым разом получалось всё лучше. Он мог отличить свежий след от старого, понять, куда бежал зверь, и даже угадать, какой у него был вес. Определить, где зверь прошёл час назад, а где — вчера.

— Из тебя вышел бы хороший егерь, — сказал однажды Виктор. — Чутьё у тебя есть.

Егор промолчал. Но внутри потеплело.

Виктор учил не только следить. Он показывал, как ставить силки и капканы — чтобы зверь попадался наверняка.

— Главное — не перестараться, — говорил он, приседая на корточки перед заснеженной тропой. — Зверь умнее, чем кажется. Если почует неладное — обойдёт стороной.

Он объяснял, как выбирать место: там, где заяц пробегает чаще всего, где тропы пересекаются, где деревья растут гуще. Учил маскировать железо — ветками, мхом, снегом. Учил проверять, не сломался ли механизм, не заржавела ли пружина.

— Если попадётся — не тяни. Решай быстро. И помни: ты здесь хозяин, но лес — не твоя собственность. Он тебя кормит. Ты его бережёшь.

Егор кивал, запоминал, пробовал сам.

Первый капкан он поставил криво — пружина перекосилась. Виктор подошёл, посмотрел, ничего не сказал. Только переставил молча, показал ещё раз.

— Не торопись, — сказал потом. — Лес любит терпеливых.

На третий раз получилось. Капкан стоял ровно, маскировка была как надо. Виктор одобрительно кивнул.

— Свободный конец петли закручивают вот так, — объяснял Виктор Егору, показывая, как ставить силки на зайцев. — Небольшое колечко и привязываем к дереву или кусту с упругой веткой. Заяц не сможет далеко уйти.

Через два дня Егор нашёл в том силке зайца. Живого, испуганного. Он смотрел на зверька, и в голове билось: «Решай быстро». Но рука не поднималась.

Виктор подошёл сзади, положил руку на плечо.

— Если не можешь — не берись, — сказал он. — Лес простит. Голодным не останешься.

Егор выпустил зайца. Тот рванул в кусты.

— Дурак я, — сказал он.

— Нормальный ты, — ответил Виктор. — Человек.

После этого случая Егор на охоту больше не ходил. Виктор не настаивал. Говорил: «Всему своё время».

Но ружьё осваивать продолжал.

— Без него в лесу — как без рук, — говорил Виктор, доставая из чехла старую, но ухоженную двустволку. — Зверь, браконьер, — всякое бывает.

Он показывал, как заряжать: чтобы патрон встал ровно, чтобы затвор не заедал. Как снимать с предохранителя. Как целиться — не закрывая один глаз, а глядя в прицел и чувствуя дыхание.

— Дыши, — командовал Виктор. — Ровно. Спокойно. На выдохе — плавно жми.

Егор целился в дерево, в пенёк, в повешенную на ветку мишень. Первое время мазал. Злился. Виктор не ругал, только поправлял.

— Локоть выше. Плечо расслабь. Не дёргайся.

Егор учился чистить ружьё: разбирать, протирать стволы, смазывать механизм, собирать обратно. Виктор стоял над душой:

— Масла много не лей. А если мало — заест.

Виктор ставил банки на пенёк, отходил на двадцать шагов, показывал:

— Целься не в банку. Целься в точку, которую хочешь пробить.

Егор целился. В банку — не попадал. В точку — тем более.

— Не беда, — говорил Виктор. — Умение не сразу приходит. Главное — не бояться. Ружьё — не игрушка. Оно уважает спокойных.

Однажды Егор попал. Три банки подряд. Обернулся к Виктору — тот стоял, сложив руки на груди, и улыбался. Одними глазами.

— Молодец, — сказал. — Теперь ты не просто парень с топором.

Виктор показывал, как разделать добычу, чтобы не повредить шкуру. Как выскоблить, высушить, вымочить. Как засолить мясо, чтобы не пропало.

— Не так! — ворчал он, когда Егор слишком глубоко надрезал шкуру. — Куда прёшь? Ты шкуру снимаешь, а не душу из грешника вырезаешь.

Егор сопел, злился, но переделывал. А Виктор отходил в сторону и тайком улыбался. Егор не видел — но чувствовал.

— Что вы там лыбьтесь? — буркнул однажды.

— Ничего, — ответил Виктор, пряча усмешку в воротник тулупа. — Работай давай.

А сам хитро поглядывал, как Егор старается. Джек сидел рядом, переводил взгляд с одного на другого и тихо поскуливал — то ли от нетерпения, то ли от того, что чувствовал: здесь что-то происходит. Что-то тёплое. Настоящее.

Потом они вместе жарили мясо на костре. Виктор кидал кусочки Джеку, Егор пробовал первый раз самостоятельно приготовленную еду. Получалось не так, как у Виктора, но он кивал:

— Сойдёт.

— Сойдёт? — обижался Егор. — Я старался!

— Вот и старайся дальше, — усмехался Виктор. — Может, когда-нибудь и научишься.

А вечерами, когда за окном выла выюга и дрова в печи потрескивали, разбрасывая искры, они сидели у огня. Джек свернулся калачиком на полovice, положив голову на лапы. Виктор ставил чайник.

Разговаривали. Обо всём и ни о чём. О погоде, о лесе, о том, сколько времени нужно, чтобы шкура высохла. Егор слушал, запоминал, иногда кивал. А иногда сам спрашивал.

Однажды спросил:

— Дядя Витя, а почему вы один?

Виктор долго молчал. Помешивал чай, смотрел в кружку. Джек поднял голову, насторожился — будто тоже ждал ответа.

— Была семья, — сказал Виктор наконец. — Жена, дочка.

— А где они?

— Нет их.

Егор не понял сразу. А потом понял.

Виктор говорил тихо, ровно, будто не о себе. — Я за рулём был. Зимой. Дорогу занесло, не справился с управлением... — Он замолчал. Помолчал минуту.

— Я выжил. А они нет.

Егор не знал, что сказать. Не нашёл слов. Смотрел на огонь.

— С тех пор я здесь, — продолжал Виктор. — Лес... он лечит. Не сразу. Годами. Но лечит. И работать помогает. Рукам — дело, голове — мысли, душе — покой.

Он отхлебнул из кружки.

— Ты не думай, я не жалею. Сам выбрал. И не жалею.

Егор молчал. В голове крутилось: он тоже потерял родителей. Тоже не помнил. Тоже винил себя — хотя не за что. Может, поэтому они и сошлись. Два одиноких человека в лесу. Два потерянных. Два нашедших друг друга.

Потом Виктор встал, достал из шкафа старый ящик с инструментами — лобзики, стамески, наждачная бумага, деревянные заготовки.

— Хватит киснуть, — сказал он. — Дело есть.

Он учил Егора работать с деревом. Показывал, как держать лобзик, чтобы лезвие не застревало. Как срезать слой за слоем, чтобы фигурка получалась гладкой, без зазубрин. Как чувствовать дерево — оно само подскажет, в каком направлении его вести.

Егор поначалу злился. Фигурки получались кривыми, уродливыми. То зайцу лапу отпилит, то у птицы клюв сломает.

— Ничего, — ворчал Виктор. — Первый блин комом. У меня первый медведь на лису был похож. Собаки от него шарахались.

Егор усмехался. Но не сдавался.

Через неделю получился первый заяц. Косой, кривой, но заяц. Егор гордо поставил его на полку. Виктор глянул, хмыкнул:

— Это волк?

— Заяц!

— А, ну тогда ладно.

Егор засмеялся. Джек подскочил, залаял — тоже радовался.

Потом они пили чай, а за окном мела метель. Егор смотрел на огонь и думал: вот оно. То, что он искал. Дом. Не место — чувство.

Джек стал его тенью. Они вместе ходили за водой, вместе рубили дрова, вместе грелись у печи. Пёс спал у его кровати, и вздыхал во сне. Егор гладил его по голове, и Джек, не просыпаясь, начинал медленно вилять хвостом.

— Ты бы хоть прожевал, — смеялся Егор, когда пёс в три глотки глотал хлеб. — Тебя так не кормили, что ли?

Джек прикоснулся носом к его руке, требуя добавки. Глаза преданные, язык высунут набок, хвост как пропеллер.

— Ненасытный, — усмехнулся Егор и кинул ему кусочек сыра.

Джек поймал угощение на лету, лягнул зубами, проглотил не жуя. Потом подошёл, положил тяжёлую голову на колено и посмотрел в глаза. Так, будто хотел сказать: «Ты мой человек. Я тебя никому не отдам».

Егор потрепал его за ухом.

— Знаю, — тихо сказал он. — Мне здесь тоже нравится.

Он думал об этом всё чаще. Странное чувство разливалось в груди — тёплое, спокойное, такое, от которого щиплет глаза и хочется улыбаться без причины. Он никогда не привязывался к местам. Не привязывался к людям. А теперь...

Почему мне здесь так хорошо?

Он не знал. Не хотел анализировать. Просто шёл с Джеком по лесу, помогал по хозяйству. И чувствовал себя почти как дома.

В тот день он задержался в городе.

Виктор дал список — длиннее обычного: крупа, мука, соль, спички, чай. Егор всё купил, сложил в сумку. Уже выходил из магазина, когда на глаза попала вывеска.

Пиццерия.

Он остановился. Посмотрел на витрину, на столики внутри, на людей, которые ели, смеялись, разговаривали. Вспомнил тот раз, когда прыгнул в чужой город и целый день бродил вокруг такой же витрины. Без денег. Без надежды. Тогда он был голодным и злым.

Сейчас у него были деньги. Немного, но на пару кусков хватит.

Но прежде чем войти, он замер.

Взгляд скользнул по улице — серой, оживлённой, мокрой. Люди спешили по своим делам, кутаясь в воротники. Машины ползли в пробках, разбрызгивая слякоть. Кто-то кричал в телефон, кто-то тянул за собой ребёнка, кто-то стоял на углу с сигаретой и смотрел в никуда.

Когда Егор только сбежал из детдома, он смотрел на такие улицы с восторгом. Всё казалось новым, интересным, важным. Он думал: вот она, настоящая жизнь. Свобода.

Потом это чувство сменилось на зависть.

Он смотрел в освещённые окна домов и представлял, что там, внутри. Чей-то дом. Чья-то семья. Чей-то уют, который невозможно увидеть с улицы, но можно почувствовать. У него когда-то тоже это было. Он не помнил — лица стёрлись, голоса исчезли, остались только смутные обрывки, вызывающие боль. Где-то глубоко. Не дотронуться, не объяснить.

А теперь он смотрел равнодушно. Даже с жалостью.

Всё казалось мрачным. Лица прохожих были холодными, уставшими. Они не замечали друг друга. Не замечали его. И ему стало их жаль.

У них не было того, что появилось у него.

У него была цель. И хижина в лесу, где потрескивают дрова в печи. И Джек, который встречается у порога, прыгает, лижет руки, сбивает с ног. И Виктор, который ворчит. По-доброму.

Семья...

Слово пришло неожиданно. Егор не думал о нём раньше. Но сейчас оно встало перед глазами — простое, твёрдое, настоящее.

Он усмехнулся своим мыслям.

— Пошли, — сказал он Джеку. — Угощаю.

И толкнул дверь пиццерии.

Он купил пиццу — себе и Джеку.

— Держи, — отломил кусок и протянул псу по дороге домой.

Пёс схватил угощение на лету, проглотил в два счёта. Даже не прожевал — просто отправил в свою бездонную пасть.

— Что вкусно? Ешь. Не спеши, — усмехнулся Егор.

Джек потёрся об руку. Дескать, не учи, давай добавку.

— Пошли домой, обжора.

Они шли по зимней дороге. Егор болтал с Джеком, кидал ему кусочки. Пёс ловил на лету и бежал дальше, то и дело оглядываясь.

— Дурак ты, — ласково сказал Егор. — Собака, а ведёшь себя как поросёнок. Весь в еде, только и знаешь, что жрать да спать.

Джек обиженно фыркнул и припустил вперёд, вздымая снежную пыль.

— Да ладно тебе, — крикнул Егор. — Я ж люблю.

Он нашёл на снегу крепкую палку, размахнулся и кинул далеко вперёд.

— Апорт!

Джек сорвался с места. Снег летел из-под лап. Через несколько секунд пёс уже возвращался, гордо неся палку в зубах. Подбежал, положил к ногам Егора, сел. Хвост ходил ходуном.

— Молодец, — Егор потрепал пса по голове. — Ещё?

Джек гавкнул.

Егор кинул палку дальше, в самую чащу, где деревья росли гуще. Джек умчался, скрылся за стволами. Егор улыбнулся, глядя вслед.

Прошла минута. Другая. Джека не было.

— Джек! — крикнул Егор.

Тишина.

— Ну хватит дурачиться, пошли домой! А то нам обоим влетит!

Тишина. Только ветер в ветвях.

Егор нахмурился. Всматривался в сумерки — он не заметил, как начало темнеть.

И вдруг за спиной — шорох. Низкий, глухой рык.

Что-то тяжёлое прыгнуло на него со спины.

Егор рухнул лицом вниз прямо в сугроб. Сумка с продуктами отлетела в сторону. Он замер. Пытался понять, что произошло.

Потом поднял лицо, всё в снегу, отряхнулся. Услышал рядом частое дыхание и весёлое повизгивание.

— Ладно, ладно, — буркнул он, вытирая снег с лица. — Ты опять меня перехитрил.

Джек прыгал вокруг, виляя хвостом. Пытался лизнуть шершавым языком в ухо, в щёку, в шею. Егор рассмеялся, схватил пса за передние лапы и повалил в снег. Они кувыркались, как щенки, поднимая снежную пыль. Не замечали холода. Не замечали времени.

— Ну я сейчас тебе задам! — приговаривал Егор, пытаясь удержать извивающееся тело. — Получай!

Джек лизнул его в нос и вырвался. Отбежал на несколько шагов, гавкнул — дескать, догоняй!

Так, дурачась, они добрались почти до самой хижины. Егор уже видел крышу, трубу, из которой вился дымок. Улыбнулся. Дома.

Но вдруг Джек остановился.

Пёс замер как вкопанный. Пригнул голову к земле. Из его горла вырвалось низкое, глухое рычание. Злое. Предупреждающее.

— Джек? — Егор напрягся. — Что там?

Пёс не ответил. Шерсть на загривке встала дыбом. А потом он сорвался с места и с громким лаем помчался к хижине.

— Джек! — крикнул Егор.

Сердце оборвалось в предчувствии беды.

Он бросил сумку и побежал за псом.

Ноги проваливались. Ветки хлестали по лицу, оставляя царапины. Он спотыкался, падал, вставал, не чувствуя боли.

И вдруг — звук. Два звука.

Первый — выстрел. Короткий, сухой, жестокий.

Второй — ещё один выстрел. Через секунду.

Потом тишина.

Егора будто ударило под дых. Он замер. Не мог сделать вдох. А потом рванул вперёд. Перестал думать. Перестал бояться.

Он выскочил на поляну.

Увидел следы. Машина. Чьи-то сапоги. Снег, утопанный до льда. Вдалеке, на просёлочной дороге, удалялся тёмный силуэт автомобиля. Звук мотора затихал.

Хижина. Дверь распахнута настежь.

Егор влетел внутрь.

И замер.

Виктор лежал на полу. В тулупе, в шапке. На ботинках — снег, который ещё не успел растаять. Значит, он только что вошёл. Застиг врасплох. Рядом валялось ружьё — не успевшее выстрелить.

Кровь была везде. На снегу у порога, на деревянном полу, на стене.

Егор упал на колени. Схватил Виктора за плечи, потряс.

— Вставай! — закричал он. — Вставай, дядя Витя! Слышишь?!

Виктор не двигался. Глаза открыты, но смотрят в никуда. Руки раскинуты в стороны. Грудь не вздымалась.

— Не смей! — Егор тряс его, не замечая, что весь в крови. — Ты не можешь! Ты не имеешь права!

Виктор не отвечал.

Егор закрыл ладонями рану. Пытался остановить кровь, но её было слишком много. Она сочилась сквозь пальцы. Тёплая, липкая, пахнущая железом. Он рвал на себе одежду, прижимал к груди Виктора — туда, куда вошла пуля.

— Нет, нет, нет, — шептал он.

Слёзы текли по щекам, смешиваясь с кровью.

Потом просто сел на пол рядом с Виктором. Просто смотрел. Он не знал что делать. Чувство горечи разрывало душу. Он впервые увидел смерть... Так близко... Смерть человека, который был ему как отец...

Джек. Мелькнуло в голове. Егор вскочил и выбежал на крыльцо.

Пёс лежал в снегу в нескольких метрах от двери. В неестественной позе. Бок тяжело вздымался. Шерсть на боку — тёмная, мокрая.

— Джек! — Егор опустился рядом. Обхватил пса руками, прижал к себе. — Нет, нет. Пожалуйста.

Пёс заскулил — тонко, жалобно, по-щенячьи. Попытался лизнуть Егора в лицо, но сил не хватило. Его трясло. Из раны текла кровь.

— Живой, — выдохнул Егор. — Ты живой. Слышишь? Живой.

Он быстро осмотрел рану. Пуля прошла на вылет. Крови много. Надо перевязать.

Но времени нет. Могут вернуться.

Он вбежал в хижину. Схватил рюкзак, бинты. Всё разбросано — кто-то рылся в его вещах. Мишка валялся на полу — затоптанный, грязный. Егор поднял его, сунул в рюкзак.

— Потерпи, — прошептал он, вернувшись к Джеку. — Потерпи, родной.

Он осторожно подсунул руки под тёплое, тяжёлое тело. Пёс заскулил, но не сопротивлялся.

Егор закрыл глаза. Обхватил руками собаку, чувствуя, как бьётся её сердце — часто, испуганно, но ещё бьётся.

И вдруг — холод.

Не тот, что от снега. Другой. Ледяной, колющий, будто кто-то смотрел на него из темноты. По его спине пробежались мурашки. Огляделся.

Ничего. Только ветер гулял между стволами.

Где-то справа, за деревьями, хрустнула ветка.

Егор напрягся. Всмотрелся в темноту. Никого. Чёрные стволы, белый снег, серое небо. И чья-то тень. Или показалось?

Джек заскулил. Тонко, жалобно. Будто просил: уходи. Быстрее.

— Сейчас, — сказал Егор. — Сейчас.

В последний раз он посмотрел на хижину, где лежало бездыханное тело Виктора. На открытую дверь, из которой лился тёплый свет. На снег, на котором остались следы. Место, которое ещё недавно было его домом.

— Прощай, — сказал он тихо.

Закрыл глаза.

Сердце забилось чаще. В ушах зашумело. Толчок.

Он впервые прыгнул с кем-то.

Из-за деревьев бесшумно вышел человек.

Высокий, сутулый, в тёмном длинном плаще. Капюшон надвинут на лицо — не разглядеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.